

ПРЕПОДОБНЫЙ НИЛ СИНАЙСКИЙ

ТВОРЕНИЯ  
СВЯТЫХ ОТЦОВ  
I

Москва  
T8 RUGRAM  
2020

УДК 82-97  
ББК 86.2/3  
С38

### **Преподобный Нил Синайский**

С38 Творения Святых отцов I / Преподобный Нил Синайский. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2020. — 430 с. — (Богословие).

ISBN 978-5-517-01293-7

Русская религиозная мысль всегда была одним из наиболее значимых направлений развития как общемировой религиозной философии и теологии, так и в целом российского государства на разных этапах его становления.

Именно в России религиозное мышление достигало как своих наиболее значимых вершин, так и своих наиболее необычных форм.

От ранних форм религиозного сознания до полного запрета на религиозную философию — в каждую эпоху находились мудрецы, которые не давали затухнуть искре религиозного сознания в России. И даже сегодня, смотря в глубины нашей истории, мы понимаем, что наибольшее влияние на нашу цивилизацию оказали именно мыслители религиозные — таков уж уклад нашей страны.

Чтение трудов наших философов, оказавших наибольшее влияние на формирования и сохранение истинной морали и истинного облика благородного человека, — дело особо актуальное для сегодняшнего дня.

Серия БОГОСЛОВИЕ — наиболее полное и выверенное собрание текстов российских религиозных философов, которое не оставит пробелов в изучении столь важной темы.

BIC HRA  
BISAC REL000000

ISBN 978-5-517-01293-7

© Т8 RUGRAM, оформление, 2020  
© Т8 Издательские технологии, 2020

# РЪ МОНАХУ АГАѢЮ.

## ОТДѢЛЕНІЕ 1.

### ВВЕДЕНІЕ.

---

Г л а в а 1. Имѣя обычай, извѣстный и тебѣ, досточестнѣйшій Агаѣй, уклоняться, по большей части, отъ бесполезныхъ сходбищъ съ людьми скучными, и когда нужда заставляетъ выходить изъ дому, проводить время въ мѣстахъ наиболѣе тихихъ, и вчера прохаживался я за городомъ. И видъ рощи, и пріятное пѣніе стройно оглашающихъ ее птицъ, и чистое вѣяніе свѣжаго вѣтра, успокоивали меня подобно зыбкой колыбели. Въ это время идешь ко мнѣ ты, впрочемъ нерѣшительно, уподобляясь человѣку, который непрестанно, то припадаетъ на колѣно, то привстаетъ. По задумчивости моей заключилъ ты, что мое уединеніе (въ чемъ и дѣйствительная была правда) не даромъ. Этому безмолвію, разсуждалъ ты, непременно есть важ-

*Нил. Ч. I.* 1

ная какая-нибудь причина: не бывает такого безмолвія безъ дѣла, если умъ не приведенъ въ самоуглубленіе чѣмъ-либо достойнымъ размысленія. Но замѣтивъ, что подаю тебѣ знакъ, и подождаю тебя не безъ удовольствія, подходишь ты, привѣтствуешь меня, идешь со мною, и спрашиваешь о причинѣ моеи задумчивости; потомъ узнавъ, что занятъ и озабоченъ я изслѣдованіемъ вопроса, о которомъ пишу, берешь мою руку, подносишь къ устамъ, цѣлуешь, и улыбаясь весьма весело говоришь мнѣ: «а я вотъ принесъ тебѣ новую заботу, хочу указать предметъ, который стоить, чтобы о немъ написать, многимъ можетъ принести пользу, многихъ отъ усплившейся нынѣ роскоши обратить къ жизни цѣломудренной».

**Г л а в а 2.** Имѣя у себя достаточное по силамъ моимъ занятіе — псалмы, по какой-то ачности не упускать случая о чемъ-либо писать, не безъ заботливости спросилъ я у тебя, что же это за предметъ? что такое могло бы доставить пользу и нынѣшнимъ и будущимъ читателямъ? Широко распнула повсюду всеуловляющія сѣти суетность, всѣхъ она захватила, всѣхъ даже и безъ сѣти держать въ своей власти: какъ силки разставила кругомъ богатство, чины, господство, забавы, непристойныя наслажденія; каждый остается въ порабощеніи той страсти, къ какой суетность нашла его наиболѣе склоннымъ; она не только понуждаетъ его услуживать чреву, или другой какой тѣлесной потребности, но заставляетъ еще сокровищ-

ницы свои наполнять несправедливо приобрѣтеннымъ имуществомъ, приневоливаетъ, когда другіе истаеваютъ отъ голода, тщательно сберегать худо накопленное, и сберегать, можетъ быть, для тѣхъ, которые не употребятъ сего во благо; почему собирающій осужденъ будетъ на сугубое наказаніе, и какъ обижавшій немощныхъ, вмѣсто того, чтобы имъ помогать, и какъ отнятымъ у нихъ приготовившій средство къ распутной жизни тѣмъ, которые при умеренномъ достаткѣ могли бы перѣдко прожить цѣломудренно. Ибо изобиліе, возмощностию тратить много увеличивая въ человѣкѣ привязанность къ наслажденіямъ испозволеннымъ, и постепенно доводя его до крайняго предѣла невоздержности, научаетъ величаться дѣлами непрстойкими.

Г л а в а 3. Но ты сталъ съ жаромъ описывать миѣ Перистерію, женщину, какъ гласитъ молва, знаменитую по сану, а какъ ты утверждалъ, еще болѣе знаменитую по душевнымъ добродѣтелямъ;— и ты перечислялъ въ ней множество высокпхъ добрыхъ качествъ, ся воздержаніе, нищелюбіе, непрестанное поученіе въ словахъ Божіихъ, прилежную и умиленную молитву, щедрую расточительность имѣнія на нуждающихся, цѣломудріе даже во взорѣ и въ самомъ помышленіи, почтительную попечительность о скончавшихся странникахъ и убогихъ, сострадательность ко всѣмъ, по какой бы то ни было причинѣ, бѣдствующимъ, уваженіе къ богочестивымъ, заботливость о пріязни на себя

жизнь плоческую , общительность съ ними въ потребномъ для нуждъ тѣлесныхъ , чтобы и ей , хотя супружеское яго препятствуетъ вмѣстѣ съ ними безмолвствовать и трудиться , участвовать однако же въ жизни ихъ , услуживая имъ въ необходимомъ для жизни , и тѣмъ , какъ ихъ освобождая отъ житейскихъ понеченій , такъ и себѣ удѣляя часть ихъ неразвлекаемаго ничѣмъ служенія Богу. — Пересказавъ же все это и еще большее , въ слѣдъ за тѣмъ сообщилъ ты , что часто , по кознямъ діавола , впадаетъ она въ искушенія и скорби , давая чрезъ это разумѣть , что подвигу ея есть сильный противоборникъ.

Г л а в а 4. Сначала недоумѣвалъ я , дѣйствительно ли въ нашемъ родѣ возможно пропзростать такому насажденію , о какомъ сказываешь ты ; у насъ , говоря по сущей правдѣ , вмѣсто деревъ садовыхъ и плодовыхъ , наполнено все безплоднымъ и дикимъ лѣсомъ ; и въ немъ растутъ и зеленѣютъ новыя вѣтви ; онъ незыблемо стоитъ , держась глубоко пущенными въ землю корнями , необъятно въ ширину раскинулъ длинныя сучья , и покрытый густыми листьями даетъ такую тѣнь , что лучу доброй мысли никакъ уже не согрѣть никогда глубину сердца , омраченную грѣхомъ , проникнувшимъ собою дѣла наши. Потомъ обдумавъ и признавъ излшшимъ , довѣдываться въ точности , есть ли такой человекъ на землѣ , или нѣтъ подобнаго , съ готовностію приступилъ я къ сочиненію , увѣрившись , что предметъ полезенъ самъ по себѣ , хотя

бы и не нашлось никого , подтверждающаго это своими дѣлами. Ибо , когда слово въ свою пользу имѣетъ свидѣтельство въ самомъ существѣ дѣла , тогда убѣждаетъ оно скоро , и слушателя къ удостовѣренію въ доказываемомъ безъ всякаго примѣра приводитъ истинность и основательность доказываемаго , не давая возможности противорѣчить даже и крайне привыкшему къ прекословіямъ.

Г л а в а 5. Какъ никто не сомнѣвается, что и на облачномъ небѣ есть солнце , и совершаетъ свое теченіе, что и въ зимнее время заключается въ растенія плодъ ; потому что достойнымъ уваженія учителемъ имѣетъ онъ для себя предшествующій опытъ: такъ и прекрасное всѣ непрекословно признають прекраснымъ. Хотя худый навѣкъ поддерживается, по видимому, въ душѣ привязанность къ дурному ; однако же совѣсть стыдится съ упорствомъ уклоняться отъ признанія истины , гнусымъ и крайне предосудительнымъ для себя почитаетъ оспаривать очевидное. Разсудилъ я и съ другой стороны: что для кого-либо возможно было древле , то и нынѣ возможно для желающихъ ; потому что одно и тоже естество и тогда было, и теперь продолжаетъ быть, во всѣхъ одинаковымъ, и не даетъ благовиднаго предлога ссылаться на безсиліе тѣмъ , которые , по собственному долговременному навыку не дѣлать ничего , служащаго къ пользѣ , почитаютъ невозможными преспѣванія въ добродѣтели мужей и женъ жившихъ древле. Не призналъ я основательнымъ во все не вѣрить, что

возможно кому-нибудь возбудить въ себѣ рѣшимость къ соревнованію онымъ блаженнымъ въ строгомъ по закону житіи, и произращать плоды добродѣтели; потому что сила естества, какая была въ нихъ, достаточна къ тому, чтобы и отъ застарѣлаго пня произвести новыя и цвѣтуція отрасли.

**Г л а в а 6.** Если Ной пзъ всего современнаго рода, осужденнаго на конечную погибель въ потопѣ и всецѣло истребленнаго потопными водами,—одинъ оказался благоугодившимъ Богу; если среди варваровъ, по долговременному навыку коснѣвшихъ въ беззаконіи, какъ бѣлая лилія среди разросшихся всюду терній, пзникъ правдивѣйшій и истинный человекъ Іовъ; если и Содомская страна, сожженная молніеноснымъ огнемъ, имѣла въ себѣ удостоившагося Божіей милости страннolюбца Лота; если различные времена произвели и Раавъ, и Девору, и Есфирь, и Іудифъ, Фиву и Прискиллу, Серну и Лидію, и многихъ другихъ; если во всякомъ родѣ отличался кто-нибудь житіемъ, вновь живописуя въ себѣ свѣтлыми красками изглаженный временемъ образъ естественнаго благородства, чтобы, совершенно и въ конецъ угаснувъ, начало древняго добраго житія не заставило признавать вовсе невѣроятнымъ и того, что писано о жившихъ хорошо; то не странно ли будетъ отрицать, что, какъ въ другія времена были подобные люди, такъ и нынѣ (хотя по причинѣ преобладающаго обольщенія, кажется сіе несбыточнымъ) найдется такая душа, которая добрыми своими дѣлами

засвидѣтельствуешь сродство свое съ оными древними, и украшается преимуществами, какія исчислены тобою, о любезная глава?

## ОТДѢЛЕНІЕ 2.

### О ВОЗДЕРЖАНІИ.

**Г л а в а 1.** Прекрасно воздержаніе — это начало и основаніе всѣхъ прочихъ добродѣтелей; потому что тѣло, какъ молодого рѣзвago коня, укрощаетъ и приучаетъ оно къ благочинію, постепенно умиряя, сокращая игривость скудостію, обуздывая и дѣлая скромными тѣ страсти, которыя роскошь доводитъ до упрямства и необузданности, такъ что онѣ бьютъ ногами, рвутся изъ рукъ, въ большія затрудненія поставляютъ браздодержца — разсудокъ, и онъ едва уже бываетъ въ силахъ удерживать и, куда угодно ему, направлять стремительные ихъ порывы. О семъ-то, кажется, Екклесіастъ преподастъ урокъ всѣмъ людямъ, когда, бесѣдуя съ тѣломъ, которое прежде, при умѣренномъ образѣ жизни, было кротко и благопокорно, говоритъ: *прииди убо, да ты искушу въ веселіи* (Еккл. 2, 1.); и дознавъ, что опытъ не удаченъ, съ трудомъ уже владѣя тѣми движеніями плоти, которыми прежде владѣлъ удобно, обращаетъ рѣчь къ

утучняющему животную нашу часть веселію: *что сіе твориши* (2)? Противъ обычая, къ чему бы не хотѣлъ я, влечешь ты произволеніе, восхитивъ сердце, тобою угнетаемое и какъ бы улаждаемое нѣсколько, поспѣшь его по стремнинамъ, по краямъ пропастей и безднъ, частію отказывающійся, и частію соглашающійся, разсудокъ безъ принужденія заставляешь избирать дѣла постыдныя, не противъ собственной его воли, самочинствуешь надъ нимъ, и онъ не безъ удовольствія терпитъ твое самоуправство.

**ГЛАВА 2.** Ибо таковы вступающіе въ борьбу съ улаждающимъ, востающіе противъ пріятнаго, чтобы не отдаться ему въ плѣнъ. Тому и уступають они, противъ чего востають; на то и соглашаются, противъ чего, повидимому, спорять; тѣмъ и увлекаются, чему противятся; къ тому и бѣгутъ, чего не хотятъ; къ тому и спѣшатъ съ увлеченіемъ, что признають враждебнымъ; иногда, хотя и крѣпко ихъ держать, убѣгаютъ, а иногда, хотя и непріятно имъ это, сами сдаются; въ иномъ случаѣ идутъ по принужденію, а въ иномъ бѣгутъ охотно; соглашаются какъ бы не по собственному изволенію, и съ намѣреніемъ уступають надъ собою побѣду, произвольно терпятъ поражение, и какъ бы не зная этого, радуются сему. И вѣроятно объ этомъ именно говоритъ Павелъ: *соулаждаюся закону Божию по внутреннему человеку: вижу же инъ законъ во удѣхъ моихъ противу воующъ закону ума моего, и плннющъ мя за-*